

BEAR'S.



# ΘΕΑΓΓ.

## ВВЕДЕНИЕ.

Θεαγγъ принадлежитъ къ числу тѣхъ разговоровъ, которые внесены древностью въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій и долго украпались именемъ Платона, но наконецъ не могли защитить предъ критикою своей подлинности и признаны подложными. Есть, конечно, и между новѣйшими критиками такіе, которые сильно отстаиваютъ достоинство этого діалога. Зохеръ и Кнебелий смѣло встаютъ противъ неумолимыхъ приговоровъ Бекка, Гейндорфа, Аста и Шлейермахера, почитающихъ его произведеніемъ позднѣйшимъ и даже весьма посредственнымъ: но доказательства защитниковъ относительно слабѣе тѣхъ, какіе приводятся обличителями.

Мнѣ представляются особенно три стороны, съ которыхъ подложность Θεага оказывается несомнѣнною: во-первыхъ, намѣреніе писателя, выражаемое въ діалогѣ,—таково, что оно не могло быть предполагаемо Платономъ, ибо несогласно съ его ученіемъ; во-вторыхъ, содержаніе Θεага въ цѣломъ и частяхъ изложено такъ неестественно и несогласно съ истинною, что эта отдѣлка его никакъ не можетъ быть приписана Платону; въ-третьихъ, мы видимъ въ этомъ діалогѣ съ начала до конца множество такихъ словъ и выраженій, которые совершенно чужды рѣчи Платона и даже никѣмъ другимъ не были употребляемы въ его время.

Разговоръ происходитъ между Димодокомъ, Сократомъ и Θεагомъ. Димодокъ, уступая многократнымъ доукамъ сы-

на—Θεага, прїѣзжаетъ изъ деревни въ Аѳины—съ намѣреніемъ отдать его въ науку какому-нибудь софисту, который бы сдѣлалъ его мудрымъ, и случайно встрѣтившись съ Сократомъ, проситъ у него по этому предмету полезнаго совѣта. Сократъ совѣтуетъ сперва узнать отъ Θεага, чего хочетъ онъ подъ именемъ мудрости, и начинаетъ спрашивать его. Направляемый вопросами Сократа, Θεагъ свое понятіе о мудрости мало по малу опредѣляетъ желаніемъ управлять людьми въ обществѣ, или вообще — тиранствовать надъ ними, только не насильственно, а съ согласія самыхъ гражданъ. Остановившись на этомъ, совѣтовавшіеся должны были теперь рѣшить другой, возникшій за этимъ вопросъ: у кого Θεагъ долженъ учиться, чтобы получить понятую такимъ образомъ мудрость? Не у отличныхъ ли гражданъ—политиковъ? спрашиваетъ Сократъ.—Нѣтъ, это невозможно, отвѣчаетъ юноша; потому что отличные граждане не могутъ научить этому и собственныхъ дѣтей, — и высказываетъ свое желаніе слушать самого Сократа. Но почему бы не слушать ему лучше своего отца, который и лѣтами старше, чѣмъ Сократъ, и исправлялъ въ республикѣ почетнѣйшія должности? А не то, — почему бы не воспользоваться ему наставленіями одного изъ тѣхъ мужей, которые открыто выдають себя за учителей мудрости? Но Θεагъ не отступаетъ отъ своего желанія войти въ обращеніе съ Сократомъ, — тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ многихъ своихъ сверстниковъ, которые прежде были очень посредственны, а потомъ, обращаясь съ нимъ, сдѣлались людьми превосходными. Сократъ хватается за это послѣднее замѣчаніе Θεага, и успѣхъ своихъ слушателей приписываетъ не себѣ, а говорящему въ немъ генію, изображая своего генія, какъ какую-то силу пророческую, которая предвидитъ и предсказываетъ будущее. Этотъ-то геній однимъ изъ учениковъ Сократа благопріятствуетъ, — и они становятся мудры, а другимъ — нисколько; да и изъ тѣхъ, которые пользуются его покровительствомъ, одни получаютъ отъ своего учителя задатки мудрости на всю жизнь, а другіе успѣваютъ, пока

только слушаютъ его. Узнавъ эти мысли Сократа о его геніѣ, *Θεαγъ* приходитъ къ заключенію, что ему надобно вступить въ число Сократовыхъ учениковъ, по крайней мѣрѣ для того, чтобы испытать, будетъ ли благопріятствовать ему геній, или не будетъ.

Изъ этого содержанія и направленія разговора ясно открывается, что писатель его имѣлъ намѣреніе показать вліяніе Сократова генія на успѣшность и безуспѣшность его слушателей, что, то-есть, дѣйственность наставленій Сократа вполне зависитъ отъ какой-то божественной силы, которая, живя въ душѣ его, сама чрезъ него или даруетъ ученикамъ желаемую мудрость, или отказываетъ въ ней. Чтобы доказать свое положеніе, онъ, кажется, основался на словахъ Платона въ *Государствѣ* (VI, р. 496 В), гдѣ этотъ философъ говоритъ: «Можетъ равнымъ образомъ удерживать при ней (при философіи) и узда нашего друга *Θεага*; ибо въ *Θεагѣ* все настроено такъ, чтобы удалиться отъ философіи, и только болѣзненность тѣла удерживаетъ его и отталкиваетъ отъ дѣлъ политическихъ. О нашемъ же божественномъ знаменіи не стоитъ и толковать; ибо подобнаго явленія, вѣроятно, не бывало ни у кого изъ прежнихъ людей». Но явно, что въ этихъ словахъ вовсе нѣтъ основанія для такой темы разговора, какая взята въ *Θεагѣ*. Противъ этой темы говоритъ здѣсь самъ Сократъ, полагая, что обычное въ немъ внушеніе генія къ философіи не имѣетъ никакого отношенія и должно быть понимаемо, какъ явленіе частное, принадлежащее ему одному и нераздѣляемое никѣмъ. Философію Сократъ ни здѣсь, ни гдѣ въ другихъ мѣстахъ не поставляетъ въ зависимость отъ чего-то геніальнаго, а почитаетъ ее свободнымъ выраженіемъ мыслящаго человѣческаго духа. И если Платонъ иногда упоминаетъ о Сократовомъ геніѣ, то мнѣніе его объ этомъ предметѣ заключаетъ въ себѣ далеко не тотъ смыслъ, въ какомъ принимаетъ его писатель *Θеага*. Мы видимъ, что въ *Федрѣ*, *Теэтетѣ*, *Государствѣ*, и въ другихъ діалогахъ тотъ геній приписывается одному Сократу и ему одному дѣлаетъ внушенія, если послѣдній

предпринимаетъ что-нибудь нѣтакъ—неправильно: напротивъ, въ Θεαγγъ эта гениальная сила дѣйствуетъ еще и на Сократовыхъ учениковъ; потому что, по Θεагу, при содѣйствіи Сократова гениа, все у нихъ идетъ благополучно, а когда онъ противится, — тщетны бывають всѣ усилія. Писатель Θεага, можетъ быть, имѣлъ также въ виду мысль Платона въ Теэтетѣ (р. 150 D), гдѣ Сократъ говоритъ такъ: «Богъ судилъ мнѣ исполнять дѣло повивальной бабки, а раждать возбранилъ. Самъ я вѣдь не очень мудръ, и нѣтъ во мнѣ такого изобрѣтенія — носить этотъ плодъ души: но обращающіеся со мною, — хотя нѣкоторые изъ нихъ сначала являются и большими невѣждами, — всѣ въ продолженіи собесѣдованій, кому Богъ поможетъ, дѣлають удивительные успѣхи». Что жъ? неужели подъ словомъ Θεός здѣсь можно разумѣть Сократова гениа? Этого не допустить ни одинъ критикъ, хорошо знакомый съ направлениемъ, характеромъ и языкомъ Платоновыхъ сочиненій. Θεός въ приведенномъ мѣстѣ имѣеть, очевидно, общее значеніе, какъ высочайшее Существо, раздающее жребіи и дары жизни. Полагать, что Сократовъ гениа есть сила, нетолько руководящая самого Сократа, но благопріятно или неблагопріятно дѣйствующая и на его учениковъ, значить навязывать Платону такое мнѣніе, какого онъ нигдѣ не высказывалъ и никогда не имѣлъ. И это тѣмъ менѣе умѣстно въ разговорѣ, направленномъ, повидимому, къ защитѣ Сократа; потому что такая защита нетолько не могла бы принести ему пользу, но еще подтвердила бы обвиненіе его враговъ, будто онъ дѣйствительно выдумываетъ новыя божества. Итакъ, содержаніе Θεага для показанной цѣли не могло быть измышлено Платономъ.

Въ Θεагѣ еще болѣе страннымъ представляется то, что многія, входящія въ него положенія стоятъ на своемъ мѣстѣ вовсе некстати и, бывъ взяты изъ разныхъ Платоновыхъ діалоговъ, скорѣе кажутся вставочными афоризмами, чѣмъ послѣдовательно идущими одна за другой истинами. Къ чему, напримѣръ, внесены въ діалогъ эти рассказы о пророческой силѣ гениа? Если лучше вникнуть въ дѣло, то ясно

будеть, что ими вовсе не доказывается тотъ предметъ, для доказанія котораго они предназначены. Сократъ, какъ видно изъ его же словъ, намѣревается раскрыть ту мысль, что успѣваютъ его ученики, или не успѣваютъ,—это зависитъ отъ генія. Желая доказать справедливость своего мнѣнія, философъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, будто, воодушевляемый своимъ геніемъ, онъ близкимъ къ себѣ людямъ предсказывалъ въ будущемъ зло. Но что же отсюда слѣдуетъ относительно успѣшности или неуспѣшности учениковъ, подъ вліяніемъ генія? — Ровно ничего. Разсказчикъ находитъ здѣсь только поводъ пересказать нѣсколько басенъ и, внесши ихъ некстати, нелѣпное содержаніе діалога возвышаетъ еще нелѣпою формою. Возьмемъ, на примѣръ, хоть разсказъ объ Аристидѣ. Въ *Θεαγ* говорится, что Аристидъ, вышедши изъ школы Сократа и отправившись на войну, разучился разсуждать объ ученыхъ предметахъ. Но развѣ цѣль Сократовой науки состояла въ развитіи говорливости? Платонъ постоянно изображаетъ своего учителя, какъ человѣка, способнаго преподавать не науку слова, а правила жизни. Невольно также бросается въ глаза и тотъ недостатокъ этого діалога, что ни одно бесѣдующее въ немъ лицо не имѣетъ правильнаго и вѣрно очертаннаго характера, тогда какъ въ искусствѣ изображать характеры нельзя въ древнемъ мѣрѣ найти писателя превосходнѣе Платона. Вотъ, на примѣръ, *Θεαγ*, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста и еще ни съ кѣмъ необращавшійся для пріобрѣтенія гражданской мудрости, уже знаетъ, что Сократъ невысоко цѣнитъ наставленія гражданъ-политиковъ и подастъ согласное съ нимъ въ этомъ отношеніи собственное мнѣніе. Вотъ опять Димодокъ, несшій когда-то въ Афинахъ важныя государственныя должности, и притомъ съ великою похвалою, въ продолженіи всей бесѣды говорить такъ, какъ будто бы никогда не оставлялъ деревни и не знаетъ ничего городскаго относительно способовъ высшаго образованія дѣтей. Особенно же невѣренъ и страненъ въ *Θεαγ* характеръ Сократа. Сократъ здѣсь изображается не какъ философъ, а какъ

вѣщунъ какой-то, разсуждающій о геніѣ не съ тѣмъ, чтобы искусно притвориться чрезъ него незнающимъ, а съ тѣмъ, чтобы указать въ немъ оракулъ, предсказывающій будущее. Но это вовсе недостойно лица Сократова, какъ оно обыкновенно обрисовывается Платономъ.

Немало оснований для заключенія о подложности Θεага представляется и въ языкѣ его. Языкъ этого діалога во многихъ мѣстахъ чистъ и естественъ, — особенно же неукоризненъ тамъ, гдѣ писатель заимствовалъ у Платона частныя мысли, а вмѣстѣ съ мыслями болѣе или менѣе удерживалъ самыя его выраженія и обороты. Но въ Θεагѣ нерѣдко встрѣчаются и такія слова и словосоставленія, какихъ ни Платонъ, ни Платоновы современники употреблять не могли. Напримѣръ, глаголь *ιδιολογείσθαι* (р. 121 А) Димодокомъ употребленъ въ смыслѣ собесѣдованія глазъ-на-глазъ: но древнее аттическое нарѣчье не знало такого глагола; онъ вошелъ въ языкъ уже позднѣе. См. *Dorvill. ad Charit. p. 451, ed. Lips., p. 548. Swicer. Thes. Eccles. T. 1, p. 1434.* Неплатоническое также слово и *φτευθέν* вмѣсто *βιῶναι*, потому что значеніе его въ Тимеѣ (р. 77 С: *τάυτα δὴ τὰ γένη πάντα φτεύσαντες οἱ κρείττους τοῖς ἥττοσιν ἡμῖν τροφήν, τὸ σῶμα αὐτὸ ἡμῶν διωχέτευσαν*) сюда не идетъ. У древнихъ жителей Аттики едва ли найдемъ и конструкцію глагола *τεκμαίρεσθαι ἀπὸ τινος εἰς τι* — заключать отъ чего-нибудь къ чему-нибудь. Платонъ и Ксенофонтъ, какъ извѣстно, говорятъ: *τεκμαίρεσθαι τι ἐκ* или *ἀπὸ τινος*. То же надобно сказать о словѣ *προσ-αγορεύειν* вмѣсто *ὀνομάζειν*, и о выраженіи *κυβερνᾶν τὰ ἄρματα*. А выраженіе: *ποιῶμαι δεινὸς εἶναι* (р. 128 В), показываетъ, что писатель несовсѣмъ понялъ употребленіе этой формы глагола *ποιεῖν* у Платона. Здѣсь Сократъ усваиваетъ себѣ искусство любить, слѣдовательно, долженъ былъ сказать: *οἶμαι* или *προσποιῶμαι*; напротивъ Платонъ употребляетъ *ποιῶμαι*, какъ *existimor, judicor*. Напримѣръ, *De Rep. VI, p. 498 A: ἀπαλλάττονται οἱ φιλοσοφώτατοι ποιούμενοι. VII. 538 C: πατρὸς δὲ ἐκείνου καὶ τῶν ἄλλων ποιουμένων οἰκείων. IX, p. 573 B: ἐπιθυμίας ποιουμένης χρηστάς.* Всѣ эти выраже-



нія—не говоримъ о многихъ другихъ—показываютъ, что писателемъ *Θεαга* былъ не Платонъ, а лицо позднѣйшее.

Впрочемъ, сколь ни очевидна подложность *Θεага*, должно согласиться, что между подложными сочиненіями Платона, это—одно изъ древнѣйшихъ. Оно приписывается Платону не только *Эліаномъ* (*Varr. Hist. VIII, 1*) и *Плутархомъ* (*De Fato T. VIII, p. 367, ed. Reisk.*), но и *Тразилломъ* у *Діогена Лаэртія* (*III, 57*), и *Діонисіемъ галикарнасскимъ* (*T. V, p. 405, ed. Reisk.*). А изъ этого видно, что *Θεагъ* почитаемъ былъ сочиненіемъ Платона еще въ вѣкъ *Августа* и *Тиверія*. Схولیастъ *Ювенала* (*ad Sat. VI, 576, p. 258, ed. Cramer.*) о *Тразиллѣ* говоритъ такъ: *Thrasyllus multarum artium scientiam professus, postrema se dedit Platonicæ sectæ ac deinde mathesi, qua præcipue viguit apud Tiberium etc.* См. *Sueton. in Tiber. c. 14. Taciti Annal. VI. 20 sq. Fabricii Biblioth. Vol. III, p. 190.* И то, конечно, надобно сказать, что древніе критики иногда вносили въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій и такіе діалоги, въ подлинности которыхъ сами сомнѣвались. Такъ, напримѣръ, «*Соперники*» (*ἑρασταί*), по свидѣтельству *Лаэртія* (*II, 57*), внесены *Тразилломъ* въ тетралогіи; однакожъ *Тразиллъ*, какъ высказано опять *Лаэртиемъ* (*IX, 37*), не признавалъ ихъ за подлинныя. Могло быть, что въ тѣ времена иные сомнѣвались и въ подлинности *Θεага*; потому что ни *Максимъ тирскій*, ни *Плутархъ*, рассуждая о геніѣ *Сократа*, какъ будто не хотѣли обратить вниманія на этотъ разговоръ, что было бы удивительно, еслибы подлинность его не была заподозрѣна. Во всякомъ случаѣ, небезполезно, кажется, будетъ разсмотрѣть, къ какому времени можно отнести этотъ памятникъ древней письменности.

Можно полагать за вѣрное, что *Θεагъ* неизвѣстнымъ писателемъ составленъ былъ тогда, когда рассказы о *Сократовомъ* геніѣ очень распространились и были старательно собираемы. Отчего происходило собираніе ихъ, скажемъ кратко. Говорили, что расположеніе толковать о геніѣ *Сократа* возникло еще въ *Академіи*, при *Ксенократѣ*, или во время, за тѣмъ послѣдовавшее; такъ какъ *Ксенократъ*, извѣстно, очень лю-

билъ разсуждать о геніяхъ, что подробно изслѣдываетъ Вимперзее (Diatrib. de Xenocrate Chalcedon. p. 96 sqq.). Но мы думаемъ, что такая догадка—пустое предположеніе. Ксенократъ, конечно, былъ неглубокій философъ; однакожъ, не представляетъ причины почитать его распространителемъ предразсудковъ относительно способности гадать, ворожить и предсказывать. Если же онъ разсуждалъ о геніяхъ, то, какъ послѣдователь Платона, разсужденія свои, вѣроятно, основывалъ на началахъ своего учителя, примѣнительно къ религіознымъ понятіямъ народа, или, можетъ быть, возстановлялъ и переработывалъ взгляды на этотъ предметъ пифагорейскіе. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать изъ показаній Плутарха (De Isid. et Osir. p. 360 D. 361 B. De Defectu oracul. p. 416 C. 419 A) и Стобея (Eclogg. Phys. 1, 3 p. 5, sq., ed. Heeren.). Пересматривая также и весь рядъ философовъ, слѣдовавшихъ за Ксенократомъ и управлявшихъ Академіею, мы не находимъ ни одного, кто характеромъ своего философствованія могъ бы благопріятствовать такимъ предразсудкамъ, какіе подали поводъ къ возбужденію идеи Θεαγα. Поэтому надобно полагать, что она возникла изъ какого-нибудь другаго источника. Мы съ совершенною увѣренностію относимъ ея начало къ тѣмъ временамъ, когда достаточно раскрыто было и обобщилось ученіе стоиковъ, и полагаемъ, что Θεαгъ изложенъ такимъ лицомъ, которое пользовалось ихъ сочиненіями о предметахъ сего рода. Увѣренность наша основывается на томъ, что стоики, по свидѣтельству Крейцера (Symb. T. 1, p. 215, ed. 2), весьма много силы и значенія приписывали τῆ μαντικῆ, а еще болѣе и тверже — на словахъ Цицерона, который (De Divinatione L. 1. 3) о занятіяхъ ихъ въ этомъ родѣ говоритъ такъ: Cratippus, familiaris noster, quem ego parem summis peripateticis judico, iisdem rebus fidem tribuit, reliqua divinationis genera rejecit. Sed quum Stoici omnia fere illa defenderent, quod et Zeno in suis commentariis quasi semina quaedam sparsisset et ea Cleanthes paulo uberiora fecisset; accessit acerrimo vir ingenio, qui totam de divinatione duobus libris explicavit sententiam, uno

praeterca de oraculis, uno de somniis: quem subsequens unum librum Babylonius Diogenes edidit ejus auditor; duo Antipater; quinque noster Posidonius. А въ книгѣ 1, 54 того же сочиненія Цицеронъ замѣчаетъ, что Антипатръ тарсійскій написалъ книгу de iis, quae mirabiliter a Socrate divinata essent. О содержаніи этой книги можно судить по тѣмъ рассказамъ, которые взяты изъ ней Цицерономъ. Изложивъ эти рассказы, онъ прибавляетъ: permulta collecta sunt ab Antipat ro. Останавливая свое вниманіе на приведенныхъ словахъ Цицерона и соображая то, что о Сократовомъ геніѣ говорится въ Θεαγъ, мы невольно приходимъ къ мысли, что писатель этого діалога могъ заимствовать свои рассказы изъ упомянутаго сочиненія Антипатрова. Оттуда же, вѣроятно, почерпнуты и толки Плу-тарха въ книгѣ De genio Socratis (Т. II, р. 1030, 1032); потому что они имѣютъ такой же характеръ. Если эта догадка наша правдоподобна; то касательно времени, въ которое вышелъ въ свѣтъ Θεαγъ, почти не можетъ быть сомнѣнія. Антипатръ, бывший учителемъ Панація и ученикомъ Діогена вавилонскаго, процвѣталъ, конечно, около 150 годовъ до Р. X. Стало-быть, очень вѣроятно, что написаніе Θεαга надобно относить къ первому вѣку предъ нашею эрою. И неуди вительно, что этотъ діалогъ въ тѣ времена подложенъ былъ Платону; потому что тогда Птолемеи собирали творенія знаменитыхъ писателей и, вѣроятно, давали за нихъ значительныя вознагражденія; а это могло, въ видахъ корысти, сильно располагать людей посредственныхъ къ украшенію слабыхъ своихъ произведеній великими именами. Впрочемъ, подробнѣе объ этомъ говоритъ *Bentleius*. Opusenl. Crit. p. 155 sqq., ed. Lips.



## ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ДИМОДОКЪ, СОКРАТЬ, ΘΕΑΓΓ.

121. *Дим.* Миѣ нужно бы, Сократъ, о чемъ-то съ тобою поговорить <sup>1</sup>, если тебѣ досужно. Да хотя бы ты былъ и занятъ, только не очень важнымъ дѣломъ, — для меня постарайся удосужиться.

*Сокр.* Я и такъ-таки свободенъ, а для тебя-то — и очень; поэтому, если хочешь о чемъ-нибудь говорить, — можешь.

*Дим.* Такъ не угодно ли, сойдемъ съ дороги, — туда, въ портикъ Зевса Элевеерія <sup>2</sup>?

*Сокр.* Пожалуй, если тебѣ кажется.

В. *Дим.* Пойдемъ же, Сократъ <sup>3</sup>. Какъ всѣ растенія <sup>4</sup>, всѣ

---

<sup>1</sup> О чемъ-то съ тобою поговорить — ἄλλα σοὶ ἰδιολογῆσαι. Самое начало греческой рѣчи въ Θεαγγъ показываетъ, что этотъ діалогъ написанъ далеко послѣ временъ Платона; потому что глагола ἰδιολογῆσαι напрасно стали бы мы искать у писателей древнѣйшей Греціи. Въ какое время вошло въ употребленіе это слово, показываетъ *Свиццеръ*, Thesaur. Eccl. T. I, p. 1134.

<sup>2</sup> Портикъ Зевса Элевеерія, или освободителя, построенъ былъ въ Керамикѣ, близъ статуи того же имени. А Керамикомъ называлась часть или кварталъ города Афинъ. Керамикомъ, по свидѣтельству *Свиды*, въ Афинахъ было два: одинъ въ самомъ городѣ, другой за-городомъ. Въ одномъ погребали гражданъ, павшихъ въ сраженіи; въ другомъ находились позорные дома. Такое же показаніе см. *Hesych.* и *Meurs. De Scamie.* с. 4.

<sup>3</sup> Естественно представлять, что Димодокъ, сказавъ: *пойдемъ же, Сократъ*, дѣлалъ этотъ переходъ до портика не молча, но тотчасъ началъ свой монологъ, служащій вступленіемъ въ бесѣду. Такое вступленіе напоминаетъ намъ о первой страницѣ Платонова Горгіаса.

<sup>4</sup> *Всѣ растенія, πάντα τὰ φυτά.* Подъ словомъ *φυτά* разумѣется все, что *φύεται*. На это слово писатель смотритъ, какъ на знакъ понятія родового, и различаетъ въ немъ два вида: τὰ ἐκ τῆς γῆς φύόμενα καὶ τὰ ζῶα. Подобное мѣсто встрѣчаемъ *Phileb.* p. 22 B: (βίος) πᾶσι φυτοῖς καὶ ζῴοις αἰρετός. *Legg.* VI, p. 764 E.

произведенія земли, животныя, и прочее, такъ, должно быть, живетъ и человекъ: ибо что касается растений, то мы, занимающіеся обработываніемъ земли, легко можемъ приготовить все, предшествующее садкѣ ихъ, и самую садку; но послѣ того, какъ посаженное стало жить, — ухоть за нимъ бываетъ и многосложенъ, и тяжелъ, и соединенъ съ препятствіями. То же представляется и въ отношеніи къ людямъ. По моимъ дѣламъ гадаю и о дѣлахъ чужихъ <sup>1</sup>. Насажденіе ли, С. рожденіе ли надобно примѣнить къ этому моему сыну, — для меня это было легче всего: но воспитаніе его соединено съ затрудненіями и всегда держитъ меня въ страхѣ, всегда боюсь я за него. Такъ вотъ можно бы говорить и о многомъ другомъ; но меня особенно пугаетъ теперешнее его желаніе. Оно, конечно, не неблагогородно, однакожь опасно. Видишь, онъ у насъ, Сократъ, говоря его словами, желаетъ сдѣлаться мудрецомъ. D. Мнѣ кажется, нѣкоторые изъ его сверстниковъ и земляковъ, хаживавшіе въ Аѣины <sup>2</sup>, припоминаютъ какія-нибудь рѣчи и ерошаютъ его. Соревнуя этимъ своимъ товарищамъ, онъ давно уже озабочиваетъ меня и проситъ, чтобы я постарался о немъ и платилъ деньги кому-нибудь изъ софистовъ, который бы сдѣлалъ его мудрецомъ. О деньгахъ-то я мало забочусь, а думаю, не спѣшитъ ли онъ идти на немаловажную опасность.

<sup>1</sup> По моимъ дѣламъ гадаю и о чужихъ дѣлахъ, ἀπὸ τῶν ἐμῶν τεχναιρομαί καὶ ἐς τὰλλα, т.-е. καὶ εἰς τὰ τῶν ἄλλων. Такой конструкціи, сколько помнимъ, не встрѣчали мы ни у Платона, ни у другихъ образцовыхъ греческихъ писателей. — Притомъ смѣшно и пошлою представляется мысль Димодока: τὴν τοῦ υἱοῦ σου εἶται φουτεῖν εἶται παιδοποιεῖν πάντων βέλτερον γεγεμέναι. Платонъ выравился бы конечно деликатнѣе. Діонисій ἑλικαρνασскій (Art. Rhetor. T. V, p. 405, ed. Reisk.), почтяя Θεага сочиненіемъ подлиннымъ, старается извинить Платона и говорить: τοῦτο δὲ οὐ χρὴ νομίζειν, ὅτι μεγάλη τῆ φωνῆ χρῆται ὁ Πλάτων, — такъ какъ это говорилъ отецъ въ присутствіи сына, — ἀλλ' ἐπειδὴ ὁ Δημόδοκος ἐργαστικὸς καὶ γεωργός, ζωνὰς ἀφίησι τῆς τέχνης. Но такое извиненіе неудовлетворительно.

<sup>2</sup> Хаживавшіе въ Аѣины, εἰς τὸ ἄστυ καταβαίνοντες. Штальбомъ и нѣкоторые другіе критики заключаютъ изъ этого, что Θεагъ жилъ въ Пиреѣ. Но ἄστυ здѣсь берется, очевидно, не какъ аѣинская цитадель, или центральное мѣсто города, а какъ резиденція правительства республики и противоплагается τοῖς δήμοις. Поэтому-то Димодокъ и говоритъ: νῦν οὖν ἤκω ἐπ' αὐτὰ ταῦτα, т.-е. изъ своей дѣмы въ Аѣины.

122. Донинѣ я удерживалъ его моими увѣщаніями: но такъ какъ далѣе удерживать уже не могу, то признаю за лучшее уступить ему, чтобы, и помимо меня, часто обращаясь съ кѣмъ-нибудь, онъ не испортился. Для того-то именно я теперь и пріѣхалъ, чтобы представить его которому-нибудь изъ этихъ кажущихся софистовъ. И ты кстати встрѣтился съ нами; потому что, приступая къ такому дѣлу, я хотѣлъ бы посоветоваться особенно съ тобою. Такъ если имѣешь дать какой-нибудь совѣтъ въ томъ, о чемъ отъ меня слышалъ, то можешь и долженъ.

В. *Сокр.* Вѣдь говорятъ же, Димодокъ, что совѣтъ есть дѣло священное <sup>1</sup>. Но если онъ — дѣло священное во всякомъ другомъ случаѣ, то и въ этомъ, въ которомъ ты совѣтуешься; ибо для человѣка совѣтующагося нѣтъ предмета столь божественнаго, какъ воспитаніе себя и своихъ родныхъ. Сначала, однако, я и ты — должны согласиться между собою, что такое то, касательно чего думаемъ мы совѣтоваться. Какъ бы не при-

С. шлось иногда разумѣть подъ этимъ — мнѣ одно, а тебѣ другое: тогда вѣдь, вошедши уже далеко въ свою бесѣду, мы сознали бы себя смѣшными, еслибы я, совѣтующій, и ты, совѣтующійся, понимали дѣло неодинакимъ образомъ.

*Дим.* Ты, мнѣ кажется, правильно говоришь, Сократъ. Такъ и надобно сдѣлать.

*Сокр.* Говорю-то я и правильно, да несовѣмъ однако; потому что немного измѣняю мое слово. Мнѣ думается, что и ребенокъ этотъ желаетъ не того, чего, по нашему мнѣнію, желаетъ онъ, а другаго; да и мы опять, можетъ быть, еще без-

Д. разсуднѣе его, что собираемся совѣтоваться объ иномъ. По-

<sup>1</sup> *Совѣтъ есть дѣло священное, συμβουλή ἱερὸν χρῆμα.* Схолиастъ: *παραίμια ἐπὶ τῶν καθαρῶς καὶ ἀδόλως συμβουλευτάντων· δεῖ γὰρ τὸν συμβουλευόντα μὴ τὸν ἴδιον σκοπεῖν· τὸ γὰρ ἱερὸν οὐδεὸς ἴδιον, ἀλλὰ τῶν χωρῶν ἐστὶ κοινόν· ἐπειδὴ καταρῆγομεν ὡσπερ εἰς τὰ ἱερὰ θέλοντες συμβουλευέσθαι οἱ ἄνθρωποι.* Προσέχει οὖν τοῖς συμβουλευούσιν ἀψευδεῖν καὶ τὰ βέλτιστα κατὰ τὴν αὐτῶν γνώμην συμβουλεύειν. Эту по- словицу приводитъ и *Аристофанъ* въ *’Амφιαρ.* *Зенодотъ* производитъ ее отъ *Епихарма.* *Schott. ad. Zenob. Proverb. Centur. IV, 40. Epist. Plat. V init. Alberti ad Hesichium vol. II, p. 27.*

этому, мнѣ кажется, будетъ правильнѣе начать съ него са-  
мого—распросить, что такое то, чего онъ желаетъ.

*Дим.* Должно быть, въ самомъ дѣлѣ лучше такъ, какъ ты говоришь.

*Сокр.* Скажи же мнѣ, какое прекрасное имя <sup>1</sup> молодому человѣку? какъ будемъ называть <sup>2</sup> его?

*Дим.* Имя ему—Θεαγγ, Сократъ.

*Сокр.* Въ самомъ дѣлѣ прекрасное и священное имя <sup>3</sup> далъ ты своему сыну, Димодокъ. Скажи же намъ, Θεαγγ: заявля-  
ешь ли ты свое желаніе сдѣлаться мудрецомъ и просишь ли  
своего отца, чтобы онъ отыскалъ такого человѣка, бесѣда съ  
которымъ сообщила бы тебѣ мудрость? E.

*Θεαγγ.* Да.

*Сокр.* А мудрецами знатоковъ ли называешь ты, въ отно-  
шеніи къ чему были бы они знатоками, или незнатоковъ?

*Θεαγγ.* Я—знатоковъ.

*Сокр.* Что же? развѣ не воспитывалъ тебя отецъ и не  
училъ тому, чему учатся здѣсь другіе—сыновья почтенныхъ  
отцовъ, напримѣръ, грамотѣ, играть на цитрѣ, бороться, и  
инымъ упражненіямъ <sup>4</sup>?

<sup>1</sup> *Какое прекрасное имя?* τί καλὸν ὄνομα; Прилагательное καλόν поставлено здѣсь какбы для того только, чтобы естественнѣе было дальнѣйшее выраже-  
ніе: καλὸν γὰρ τῷ νικῆ τὸ ὄνομα εἶναι. Подобное употребленіе его едва ли встрѣ-  
тимъ у греческихъ писателей. Впрочемъ, это выраженіе можно понимать  
какъ формулу вѣжливости.

<sup>2</sup> *Какъ мы будемъ называть его?* τί αὐτὸν προσαγορεύομεν; Платонъ сказалъ  
бы: τί αὐτὸν ὀνομάζομεν, или καλῶμεν; а προσαγορεύειν употребляется только  
тогда, когда наименовываается должность, занятіе, добродѣтель и т. п. Напр.,  
Phileb. p. 12 B: καὶ νῦν τῶν μὲν Ἀφροδίτην ἀπὸ ἐκείνη φίλον, ταύτην προσαγορεύω.  
Здѣсь говорится объ имени удовольствія. De Republ. V, p. 463 A: τί ἂ ἐν  
ταῖς ἄλλαις δῆμος τοὺς ἄρχοντας προσαγορεύει; alib.

<sup>3</sup> Θεαγγ—Θεάγγος—значить: сильно любящій божественное.

<sup>4</sup> *Почтенныхъ отцовъ*—τῶν καλῶν κάγαθῶν πατέρων. Καλοὶ κάγαθοί, въ отно-  
шеніи къ рангамъ гражданской жизни, суть люди благородные, вельможи и  
сановники государства, которымъ противопоставляется ὁ δῆμος. Такъ Xenoph.  
Hellen. II, 3, 15: εἰ τις ἐτιμᾶτο ὑπὸ τοῦ δήμου, τοὺς δὲ καλοὺς κάγαθούς μὴδὲν  
καλὸν εἰργάζετο. Plutarch. vit. Pericl. p. 158 B: οὐ γὰρ εἶσσι τοὺς καλοὺς κάγα-  
θούς καλουμένους—συμμημίχθαι πρὸς τὸν δῆμον. То, чему должны были учиться  
благородныя дѣти, достаточно показано въ Протагорѣ p. 325 D sqq. Aristoph.  
Nubb. v. 955—980.

*Θεαγγ.* Конечно училъ.

123. *Сокр.* Такъ думаешь, недостаетъ еще какого-нибудь знанія, о доставленіи тебѣ котораго отецъ долженъ позаботиться?

*Θεαγγ.* Думаю.

*Сокр.* Какое же это знаніе? Скажи и намъ, чтобы мы угодили тебѣ.

*Θεαγγ.* Знаетъ и онъ, Сократъ, — потому что я многократно говорилъ ему, — и это нарочно <sup>1</sup> толкуетъ тебѣ, какъ будто бы не знаетъ, чего я желаю. Такими вѣдь и другими еще словами препирается онъ и со мною, и никому не хочетъ представить меня.

*Сокр.* Но то, что говорилъ ты ему прежде, говорено было безъ свидѣтелей; а теперь возьми меня въ свидѣтели и объяви предо мною, что это за мудрость, которой ты желаешь. Положимъ, тебѣ желалось бы того знанія, помощью котораго люди правятъ кораблями, и мнѣ случилось бы спросить тебя: *Θεаγγ!* въ какой мудрости нуждаешься, порицаешь ты отца, что онъ не хочетъ представить тебя тому, кто сдѣлалъ бы тебя мудрымъ? Что отвѣчалъ бы ты мнѣ? какая это мудрость? не кораблевожденіе ли?

*Θεаγγ.* Да.

*Сокр.* А еслибы ты пожелалъ быть мудрымъ въ такой мудрости, помощью которой правятъ колесницами <sup>2</sup>, и тоже порицалъ бы отца; то, на мой вопросъ: что это за мудрость? — чѣмъ назвалъ бы ты ее? не возникшествомъ ли?

*Θεаγγ.* Да.

*Сокр.* Но та, которой ты теперь желаешь, — безъимянная ли какая, или имѣетъ имя?

<sup>1</sup> *Нарочно* — ἐπιτηδεύεις, притворно, съ умысломъ, какъ будто бы, то-есть, Димодокъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какой мудрости желаетъ *Θεаγγ*, тогда какъ послѣдній уже много разъ объяснялъ отцу, что разумѣетъ онъ подъ именемъ мудрости. Слово *нарочно* въ этомъ смыслѣ выходитъ у насъ изъ употребленія и держится только почти въ простонародномъ говорѣ.

<sup>2</sup> *Правятъ колесницами*, τὰ ἄρματα κυβερνῶσιν. Шлейермахеръ правильно замѣчаетъ, что едва ли бы Платонъ сказалъ: κυβερνῶν τὰ ἄρματα. Примѣровъ такого примѣненія этого глагола не представляется.



*Феагъ.* Я думаю, имѣть.

*Сокр.* Такъ знаешь ли ты ее—по крайней мѣрѣ безъ имени, или и имя?

*Феагъ.* Да, и имя.

*Сокр.* Скажи же, какое оно.

*Феагъ.* Какое другое можно дать ей имя, Сократъ, какъ не Д. мудрость?

*Сокр.* Но не мудрость ли и возничество? Или оно кажется тебѣ невѣжествомъ?

*Феагъ.* Нѣтъ.

*Сокр.* А мудростью?

*Феагъ.* Да.

*Сокр.* Для чего мы пользуемся имъ? не для того ли, чтобы умѣть править парю коней?

*Феагъ.* Да.

*Сокр.* Не мудрость ли также и кораблевожденіе?

*Феагъ.* Мнѣ кажется.

*Сокр.* Не для того ли и оно, чтобы умѣть править кораблями?

*Феагъ.* Конечно для того.

*Сокр.* А мудрость, которой ты желаешь,—что такое она? Чѣмъ умѣемъ мы править, при ея помощи?

Е.

*Феагъ.* Мнѣ кажется, людьми.

*Сокр.* Не недужными ли?

*Феагъ.* Совсѣмъ нѣтъ.

*Сокр.* Потому что для этого есть искусство врачебное. Не такъ ли?

*Феагъ.* Да.

*Сокр.* Но не умѣемъ ли мы, при ея помощи, управлять поющими въ хорахъ?

*Феагъ.* Нѣтъ.

*Сокр.* Потому что для этого-то есть музыка.

*Феагъ.* Конечно.

*Сокр.* Или чрезъ нее умѣемъ мы управлять тѣми, которые занимаются тѣлесными упражненіями?

*Феагъ.* Нѣтъ.

*Сокр.* Потому что для этого-то есть гимнастика.

*Феагъ.* Да.

*Сокр.* Въ какомъ же дѣлѣ пользуемся мы ею? Постарайся сказать мнѣ, какъ я напередъ сказалъ тебѣ.

124. *Феагъ.* Ею пользуемся мы, мнѣ кажется, въ городѣ.

*Сокр.* Но не въ городѣ ли и недужные?

*Феагъ.* Да; однакожъ не этихъ только я разумѣю, — говорю и о другихъ, живущихъ въ городѣ.

*Сокр.* Такъ ужели я понимаю, на какое искусство указываешь ты? Вѣдь мнѣ кажется, ты говоришь не о томъ, посредствомъ котораго мы умѣемъ управлять жнецами, виноградарями, садовниками, сѣятелями, молотильщиками; потому что этимъ управляемъ мы при помощи науки земледѣлія. Не такъ ли?

*Феагъ.* Да.

В. *Сокр.* И не о томъ говоришь ты, посредствомъ котораго мы умѣемъ управлять пильщиками, сверлильщиками, токарями и всѣми вообще вертельщиками; потому что такое искусство не есть ли строительное?

*Феагъ.* Да.

*Сокр.* Впрочемъ, можетъ быть, — о томъ, посредствомъ котораго умѣемъ мы управлять всѣми этими: и самыми земледѣльцами и плотниками, и всѣми мастерами и не-мастеровыми<sup>1</sup>, и мужчинами и женщинами, — можетъ быть, такое-то искусство называешь ты мудростью.

*Феагъ.* Именно такое, Сократъ; давно уже хочу я назвать его.

*Сокр.* А можешь ли сказать, что Эгисей<sup>2</sup>, умертвившій

<sup>1</sup> *И не-мастеровыми, καὶ τῶν ἰδιωτῶν.* Ἰδιῶται здѣсь противопоставляются τοῖς ἐπιμορφωτοῖς, и потому это такіе люди, которые не научены никакому мастерству и не знаютъ никакихъ искусствъ, — artium imperiti. Употребленіе этого слова въ такомъ смыслѣ см. Sympos. p. 178 В. Phaedr. p. 258 D. Ion. p. 531 С, al.

<sup>2</sup> Эгисей, умертвившій двоюроднаго своего брата Агамемнона на пиру, семь лѣтъ господствовалъ въ Микенахъ и умерщвленъ Орестомъ, сыномъ Агамемнона. Одысс. I, 35.

въ Аргосѣ Агамемнона, управлялъ тѣми, о которыхъ ты говоришь, — мастерами и не-мастеровыми, всѣми мужчинами и женщинами, или нѣкоторыми иными?

*Θεαγγ.* Нѣтъ, не тѣми, а этими.

*Сокр.* Что еще? Пелей<sup>1</sup>, сынъ Эака, во Фтіи? — не тѣми ли самыми управлялъ онъ?

*Θεαγγ.* Да.

*Сокр.* А слыжалъ ли ты о Періандрѣ<sup>2</sup>, сынѣ Кипсела, правившемъ въ Коринѣ?

*Θεαγγ.* Слыжалъ.

*Сокр.* Не тѣми ли же самыми управлялъ онъ въ своемъ городѣ?

*Θεαγγ.* Да.

*Сокр.* Что скажешь притомъ объ Архелай, сынѣ Пердикки, который въ послѣднее время<sup>3</sup> сталъ править Македонію? Не тѣми ли самыми, думаешь, управляетъ онъ?

*Θεαγγ.* Думаю, тѣми.

*Сокр.* А Иппіасъ, сынъ Пизистрата, правившій въ этомъ городѣ, кѣмъ, думаешь, управлялъ онъ? Не этими ли?

*Θεαγγ.* Какъ не этими.

*Сокр.* Можешь ли ты сказать мнѣ, какое имя даютъ Вакису, Сивиллѣ и нашему соотечественнику Амфилиту<sup>4</sup>?

---

<sup>1</sup> Пелей и Теламонъ, по зависти, умертвили своего брата Фоку. Изгнанные своимъ отцомъ, они удалились — одинъ во Фтію, другой на островъ Саламинъ.

<sup>2</sup> Періандръ коринескій обыкновенно считается однимъ изъ семи мудрецовъ Греціи; онъ жилъ около XXXVIII олимп. Платонъ причислялъ его не къ мудрецамъ, а къ жестокимъ тираннамъ. См. Protag. p. 339 С, примѣчаніе.

<sup>3</sup> *Въ последнее время сталъ управлять* (Архелай), — τὸν νεώτερον τοῦτων ἄρχοντα. Объ этомъ много говорится въ Горгіасѣ р. 471 D sqq. Архелай возшелъ на македонскій престолъ въ концѣ 91 олимп., т.е. за 413 лѣтъ до Р. Х. А такъ какъ ниже, р. 129 D, упоминается объ экспедиціи Тразилла къ берегамъ Іоніи, которая относится къ 4, 92 олимп., т.е. къ 409 году до Р. Х.; то разговоръ этотъ долженствовалъ происходить въ семь самог. году. Поэтому словомъ νεώτερον обнимаются предшествующіе четыре года.

<sup>4</sup> Вакисъ — бѣотійскій прорицатель, который, задолго до нашествія Ксеркса на Грецію, предсказывалъ Грекамъ все, что должно было произойти. Ге-

*Феагъ.* Какое больше, Сократъ, какъ не имя прорицателей?

**Е.** *Сокр.* Правильно говоришь. Постарайся же отвѣтить мнѣ и относительно этихъ: какое имя прилично Иппіасу и Періандру по ихъ управленію?

*Феагъ.* Думаю, имя тиранновъ; какое же больше?

*Сокр.* Стало-быть, кто желаетъ управлять всѣми людьми въ городѣ, тотъ желаетъ одинакой съ ними власти — тиранической, — тотъ хочетъ быть тиранномъ.

*Феагъ.* Оказывается такъ.

*Сокр.* И ты сказалъ, что желаешь ея.

*Феагъ.* Изъ моихъ словъ, конечно, выходитъ.

*Сокр.* Злодѣй <sup>1</sup> такъ ты, изъ-за желанія тиранствовать надъ нами, давно уже порицаешь отца, что онъ не посылаетъ тебя въ школу какого-нибудь учителя тиранніи? А тебѣ, Димодокъ, не стыдно? Давно уже зная, чего желаетъ онъ, и будучи увѣренъ, что если будешь посылать его туда, то сдѣлаешь мастеромъ въ желаемой имъ мудрости, ты теперь завидуешь ему и посылать не хочешь? Но видишь, — въ эту минуту онъ оговорилъ тебя въ моемъ присутствіи: такъ посовѣтуемся съобща — я и ты, къ кому бы намъ посылать его и въ чьемъ бы сообществѣ могъ онъ сдѣлаться мудрымъ тиранномъ.

**В.** *Дим.* Да, ради Зевса, Сократъ, посовѣтуемся-таки, такъ какъ, по моему-то мнѣнію, это требуетъ совѣта немаловажнаго.

*Сокр.* Постой, добрякъ, сперва спросимъ получше его самого.

родотъ въ восьмой книгѣ (с. 20) приводитъ много его предсказаній. Сивила здѣсь разумѣется вѣтретейская, о которой вмѣстѣ съ Вакисомъ и Амелитомъ упоминаетъ *Themistius* p. 55, ed. Dind. Амелитъ, по сказанію Геродота (1, 62), — Акарнанецъ: а что здѣсь называется онъ *ἡμεδαπός*, то это либо потому, что онъ долго жилъ въ Аѣинахъ, либо потому, что вмѣсто *Ἀκαρνάν*, у Геродота надобно читать *Ἀχαρνός*. Подробнѣе объ этихъ лицахъ см. *Wesseling. ad Herodot. VIII, 20.*

<sup>1</sup> *Злодѣй* — ὁ μαρτ. Мы неправильно поняли бы въ этомъ мѣстѣ тонъ рѣчи Сократовой, еслибы, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ, принимали слова его серьезно. Здѣсь Сократъ сперва Феагу, а потомъ Димодоку говоритъ шуткою; повтому и Димодокъ далѣе отвѣчаетъ ему шуткою.

*Дим.* Такъ спрашивай.

*Сокр.* Что, Θεαγγъ, еслибы мы нѣсколько воспользовались Эврипидомъ? Вѣдь Эврипидъ <sup>1</sup> гдѣ-то сказалъ:

Мудры тиранны бесѣдою мудрыхъ.

Но пусть бы кто спросилъ его: Эврипидъ! о чемъ бесѣда мудрыхъ дѣлаеть, говоришь, мудрыми тиранновъ? Или пусть С. бы, напримѣръ, сказалъ онъ:

Мудры земледѣльцы бесѣдою мудрыхъ.

А мы спросили бы: въ чемъ мудрыхъ?—Что отвѣчалъ бы онъ? иное ли нѣчто, или то, что мудрыхъ въ земледѣліи?

*Θεαγγ.* Нѣтъ, именно это.

*Сокр.* Что же? еслибы сказалъ онъ:

Мудры повара бесѣдою мудрыхъ.

А мы спросили бы: въ чемъ мудрыхъ? — Что отвѣчалъ бы онъ? не то ли, что въ поварскомъ искусствѣ?

*Θεαγγ.* Да.

*Сокр.* Что еще? еслибы сказалъ онъ:

Мудры бойцы бесѣдою мудрыхъ.

А мы спросили бы его: въ чемъ мудрыхъ? — Не отвѣчалъ ли бы онъ, что въ искусствѣ бороться?

*Θεαγγ.* Да.

*Сокр.* Но когда онъ сказалъ:

Мудры тиранны бесѣдою мудрыхъ.

А мы хотимъ спросить его: въ чемъ мудрыхъ, говоришь ты, Эврипидъ? — Что отвѣтитъ онъ? въ чемъ состоитъ эта мудрость?

*Θεαγγ.* Не знаю, клянусь Зевсомъ.

*Сокр.* А хочешь ли, я скажу тебѣ?

*Θεαγγ.* Если угодно...

---

<sup>1</sup> Этотъ стихъ Платонъ приписываетъ Эврипиду и здѣсь, и въ VIII кн. Государства (р. 568 А). Но другіе, напротивъ, находятъ его въ Софокловомъ Аяксѣ локрскомъ. *Gataker.* Opp. Т. 1, р. 173.

*Сокр.* Въ томъ, что, по словамъ Анакреона, знала Калликрита. Или неизвѣстна тебѣ эта пѣсня?

*Θεαγγ.* Извѣстна.

*Сокр.* Такъ что же? не желаешь ли и ты обращаться съ та-  
Е. кимъ какимъ-нибудь человѣкомъ, который обладаетъ однимъ  
и тѣмъ же искусствомъ съ Калликритою <sup>1</sup>, дочерью Кіаны, и  
знаетъ тираннію, какъ говоритъ о ней поэтъ, чтобы и тебѣ  
тиранствовать надъ нами и надъ городомъ?

*Θεαγγ.* Давно уже, Сократъ, смѣешься ты и шутишь на-  
до мною.

*Сокр.* Какъ! развѣ, по твоимъ словамъ, не той мудрости  
желаешь ты, посредствомъ которой могъ бы управлять всѣми  
гражданами? А дѣлая это, чѣмъ же инымъ былъ бы ты, какъ  
не тиранномъ?

*Θεαγγ.* Конечно, согласился бы я, думаю, сдѣлаться тиран-  
номъ—особенно надъ всѣми людьми; а если не то,—по край-  
126. ней мѣрѣ надъ весьма многими, — желалъ бы даже, можетъ  
быть, сдѣлаться богомъ, хотя я и не говорилъ, что этого желаю.

*Сокр.* Такъ что же еще есть, чего тебѣ хочется? не ска-  
залъ ли ты, что желаешь управлять гражданами?

*Θεαγγ.* Только не насильственно,—не какъ тиранны, а по  
ихъ волѣ, какъ управляютъ въ городѣ и другіе знатные мужи.

*Сокр.* Такъ ли, говоришь, какъ Θемистоклъ, Периклъ, Ки-  
монъ и всѣ, бывшіе сильными въ политикѣ?

*Θεαγγ.* Да, клянусь Зевсомъ, этихъ я разумѣю.

В. *Сокр.* Такъ что же? еслибы случилось тебѣ пожелать сдѣ-  
латься мудрецомъ въ верховой ѣздѣ, — къ кому естественно  
отправился бы ты <sup>2</sup>, чтобы выдти отличнымъ всадникомъ? къ  
иному ли кому кромѣ берейтора?

<sup>1</sup> Что это была за Калликрита, — греческое преданіе не говоритъ ничего; да и стихи, написанные Анакреономъ, до насъ не дошли. Conf. edit. Fischeri p. 451 et Bergk. De Anacreontis Reliquiis p. 264. Судя по замѣчанію Сократа въ этомъ мѣстѣ, она любила толковать о политикѣ, и въ этомъ отношеніи была предшественницею Аспазіи и Діотимы, прославленныхъ греческимъ клас-  
сизмомъ.

<sup>2</sup> Къ кому бы отправился ты, παρά τινος ἂν ἀρικόμενος, конструкція у Пла-

*Өеагъ.* Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не къ иному.

*Сокр.* А къ тѣмъ самымъ искусникамъ въ этомъ отноше-  
ніи, у которыхъ есть лошади и которые всегда обращаются  
какъ съ своими, такъ и со многими чужими?

*Өеагъ.* Явно, что къ нимъ.

*Сокр.* Что же? еслибы тебѣ захотѣлось сдѣлаться мудре-  
цомъ въ стрѣльбѣ, — не къ стрѣльцамъ ли бы задумалъ ты ид-  
ти, чтобы быть мудрымъ, — къ тѣмъ, то-есть, у которыхъ есть  
стрѣлы и которые всегда употребляютъ ихъ много — какъ  
чужихъ, такъ и собственныхъ? С.

*Өеагъ.* Мнѣ кажется.

*Сокр.* Скажи же теперь: такъ какъ ты хочешь быть муд-  
рецомъ въ политикѣ, то, съ цѣлюю — сдѣлаться мудрымъ, къ  
иному ли кому думаешь отправиться, а не къ тѣмъ полити-  
камъ, которые и сами сильны въ политикѣ, и всегда обраща-  
ются какъ съ своимъ городомъ, такъ и со многими другими,  
и входятъ въ сношеніе не только съ греческими, но и съ вар-  
варскими городами? Или тебѣ кажется, что обращаясь съ кѣмъ-  
нибудь инымъ, сдѣлаешься ты мудрецомъ въ томъ же отно-  
шеніи, въ какомъ эти, а не съ ними самими?

*Өеагъ.* Слыхалъ я, Сократъ, какъ пересказывали твои рѣ-  
чи объ этихъ людяхъ. Сыновья подобныхъ политиковъ, гово-  
рили, нисколько не лучше, чѣмъ сыновья кожевниковъ. И ты,  
мнѣ кажется, сколько я могу судить, говоришь весьма спра-  
ведливо. Поэтому я былъ бы безуменъ, еслибы подумалъ, что  
кто-нибудь изъ нихъ мнѣ можетъ передать свою мудрость, а  
собственному своему сыну, при всей способности быть полез-  
нымъ для кого бы то ни было изъ людей, никакой пользы при-  
нести не можетъ. D.

*Сокр.* Но чѣмъ бы ты, лучший изъ мужей, помогъ себѣ,  
еслибы родился у тебя сынъ и сталъ вводить тебя въ такіе  
хлопоты, говоря, что онъ желаетъ сдѣлаться хорошимъ жи-

---

тона неупотребительная. Въмѣсто *παρὰ τινος ἀφινεῖσθαι* или *ἰέναι*, Платонъ ска-  
залъ бы: *εἰς τινος ἰέναι*. По крайней мѣрѣ здѣсь надобно разумѣть уже не хо-  
жденіе въ школу, а посвященіе кого-нибудь для какой бы то ни было цѣли.

Е. вописцемъ, и порицая тебя—отца, что ты не хочешь на этотъ предметъ тратить для него денегъ, а между тѣмъ мастеровъ сего самаго искусства, — живописцевъ, безчестилъ бы и не хотѣлъ у нихъ учиться? Тоже и флейтистовъ, — желая сдѣлаться флейтистомъ, тоже и цитристовъ. Что могъ бы ты съ нимъ сдѣлать и куда въ другое мѣсто послалъ бы его, еслибы онъ не захотѣлъ учиться у этихъ?

*Феагъ.* Клянусь Зевсомъ, не знаю.

127. *Сокр.* Но теперъ то же самое дѣлаешь ты съ своимъ отцомъ, а между тѣмъ удивляешься и порицаешь его, когда онъ недоумѣваетъ, какъ повестись съ тобою и куда послать тебя. Пожалуй, мы представимъ тебя кому-нибудь изъ отличнѣйшихъ въ политикѣ Аѳинянъ, который наставитъ тебя даромъ; и ты съ одной стороны, сбережешь деньги, съ другой, приобрѣтешь гораздо больше расположенія отъ народа, чѣмъ учась у кого другаго.

*Феагъ.* Такъ что же, Сократъ? развѣ ты не изъ отличнѣйшихъ мужей? Согласись только меня допустить къ своей бесѣдѣ, — и для меня довольно, я не буду искать никакого болѣе.

*Сокр.* Что это говоришь ты, Феагъ?

В. *Дим.* А вѣдь онъ говоритъ нехудо, Сократъ; ты вмѣстѣ сдѣлаешь удовольствіе и мнѣ. Думаю, для меня не было бы находки больше той, какъ еслибы онъ понравился тебѣ, и ты согласился бы бесѣдовать съ нимъ. Я даже стыжусь сказать, какъ сильно хочу этого; посему прошу обоихъ васъ: тебя, чтобы ты согласился бесѣдовать съ нимъ; а тебя, чтобы ты не искалъ обращенія ни съ кѣмъ, кромѣ Сократа. Чрезъ это вы избавите меня отъ многихъ и страшныхъ безпокойствъ. Теперь вѣдь я очень боюсь за него, какъ бы не столкнуться ему съ кѣмъ другимъ, который можетъ развратить его.

*Феагъ.* Съ этого времени за меня-то уже не бойся, батюшка, если ты въ состояніи убѣдить его, чтобы онъ принималъ меня въ свою бесѣду.

*Дим.* Очень хорошо говоришь. Послѣ этого, Сократъ, къ тебѣ уже обращаю мое слово. Я готовъ, говоря коротко, пред-



ложить тебѣ и меня и мое, что имѣю, самое драгоценное, однимъ словомъ—все, чего ни потребуешь, лишь бы только ты полюбилъ этого Θεага и благодѣтельствовалъ ему, сколько можешь. D.

*Сокр.* Димодокъ! я не удивляюсь твоей заботливости, если ты думаешь, что сынъ твой особенно отъ меня получить пользу; ибо не знаю, о чемъ бы больше всего заботился всякій умный человѣкъ, какъ не о своемъ сынѣ, чтобы онъ былъ самымъ лучшимъ. Но почему тебѣ показалось, будто я въ состояніи принести твоему сыну больше пользы, чтобы онъ вышелъ хорошимъ гражданиномъ, чѣмъ ты самъ, и съ чего взялъ сынъ твой, будто я буду для него полезнѣе тебя,—это для меня очень удивительно. Во-первыхъ, ты старше, чѣмъ я; потомъ, ты, въ управленіи Аѳинянами, занималъ много правительственныхъ должностей, да еще и важнѣйшихъ; кромѣ того, ты пользуешься особеннымъ почетомъ какъ со стороны анагирасійскихъ гражданъ, такъ не меньше и со стороны всѣхъ жителей республики. Во мнѣ же никоторый изъ васъ не найдетъ ничего подобнаго. Да и то еще:—если этотъ Θεагъ, презирая бесѣду политиковъ, ищетъ какихъ-то другихъ, которые объявляютъ, что могутъ учить молодыхъ людей; то есть здѣсь и Продикъ хіосскій, и Горгіасъ леонтинскій, и Полось акрагантинскій, и другіе многіе, которые такъ мудры, что, приходя въ города, убѣждаютъ благороднѣйшихъ и богатѣйшихъ между юношами, чтобы они, имѣя возможность даромъ бесѣдовать съ какими угодно гражданами, оставили 128.

<sup>1</sup> Схолиастъ: Ἀναγυροῦς, δῆμος Αἰαντίδος, ἀφ' οὗ Ἀναγυράσιοι. Объ этой дѣмѣ, которую писатели относятъ къ трибѣ эректійской, см. *Harpocrat. Stephan. Byzant. Boeck. ad Corp. Inscript. n. 200 Grotefend. De Demis Atticae p. 18 sq.*

<sup>2</sup> За этимъ слѣдуетъ монологъ, почти буквально выписанный изъ Аполлогіи Сократа (р. 19 E), гдѣ текстъ читается такъ: ἀλλὰ γὰρ οὔτε τούτων οὐδέν ἐστιν (а у писателя Θεага: ἐμοὶ δὲ τούτων οὐδέν ἐνορᾷ οὐδέτερος ὑμῶν), οὔτε γὰρ εἴ τις ἀκρόαται, ὡς ἐγὼ παιδεύειν ἐπιχειρῶ ἄνθρωπος καὶ χρήματα πράττωμαι, οὐδὲ τοῦτο ἀληθές. Ἐπεὶ τοῦτο γὰρ и проч. Такого повторенія одного и того же текста Платонъ сдѣлать не могъ, и это представляется важнѣйшимъ доказательствомъ подложности Θεага.

ихъ бесѣды и обращались съ этими, а для вознагражденія, платили имъ очень большія деньги, съ придачею еще благодарности. Такъ изъ нихъ котораго-нибудь слѣдовало предъизбрать  
 В. и сыну твоему и самому тебѣ, а меня—не слѣдовало; потому что я не знаю ни одной изъ этихъ блаженныхъ и прекрасныхъ наукъ, хотя бы и желалъ, да и всегда-таки говорю, что мнѣ приходится, просто, не имѣть никакого знанія, кромѣ неважнаго, относящагося къ дѣламъ любовнымъ <sup>1</sup>: въ этомъ именно знаніи я почитаюсь сильнѣе кого бы то ни было и изъ прежнихъ людей, и изъ нынѣшнихъ.

Θεαγγ. Видишь ли, батюшка, что Сократъ, какъ мнѣ кажется, не очень согласенъ обращаться со мною? Съ моей-то  
 С. стороны и есть готовность, еслибы ему угодно было; да онъ только шутить надъ нами. Я знаю нѣкоторыхъ моихъ сверстниковъ и юношей немногимъ постарше меня, которые до обращенія съ нимъ ничего не стояли, а вошедши въ его общество, въ весьма короткое время оказываются лучше всѣхъ тѣхъ, сравнительно съ кѣмъ сперва были хуже.

Сокр. Знаешь ли ты, сынъ Димодока, какъ это бываетъ?

Θεαγγ. Да, ради Зевса, знаю, что еслибы ты захотѣлъ,—и я былъ бы въ состояніи сдѣлаться такимъ, каковы тѣ.

Д. Сокр. Нѣтъ, добрякъ, тебѣ неизвѣстно, какъ это бываетъ;—а я тебѣ скажу. По божественному жребію, за мною съ дѣтства слѣдуетъ геній <sup>2</sup>: это — голосъ, который, когда прояв-

<sup>1</sup> Къ чему писатель навязываетъ здѣсь Сократу знаніе дѣлъ любовныхъ, — нисколько не видно. Предметъ рѣчи вовсе не требовалъ этого. Если въ Симпосіонѣ, р. 177 D, Сократъ говоритъ: οὐδέν φημι ἄλλο ἐπίστωσαι, ἢ τὰ ἐρωτικὰ (снес. Lysid. р. 204 B); то тамъ слова его понятны, — тамъ идетъ разсужденіе о любви, которой онъ своими изслѣдованіями старается сообщить высшее значеніе: а здѣсь диалогистъ чрезъ такую вставку является не больше, какъ слѣпымъ и бездарнымъ компиляторомъ, который любовался только отдѣльными оборотами Платонова діалога, не усвоивъ себѣ его идеи.

<sup>2</sup> Это опять выписка изъ Аполוגіи Сократа (р. 31 D). Притомъ Сократовы мысли о геніи приложены здѣсь къ тому, къ чему сынъ Софрониска никогда не прилагалъ ихъ. Изъ его упоминанія о геніи писатель Θεага сдѣлалъ какой-то даръ предсказыванія, чего Сократъ никогда себѣ не приписывалъ. Могло ли придти кому-нибудь въ голову, что несчастія Хармида и Тра-

ляется, всегда даетъ мнѣ замѣтить, что я долженъ уклониться отъ того, что намѣренъ дѣлать, но никогда не склоняетъ къ чему бы то ни было. Поэтому, кто изъ моихъ друзей сносится со мною, и въ то же время проявляется голосъ, — это самое отклоняетъ меня и не позволяетъ мнѣ дѣлать. Въ этомъ я представлю вамъ свидѣтелей. Вѣдь вы знаете того бывшаго красавца Хармида <sup>1</sup>, сына Главконова. Нѣкогда онъ объявилъ **Е.** мнѣ о своемъ намѣреніи пробѣжать въ Немеяхъ стадію. Едва началъ онъ говорить, что рѣшается на этотъ подвигъ, — вдругъ проявляется голосъ. Тогда я сталъ отсовѣтывать ему это и сказалъ: между тѣмъ какъ ты говорилъ, — проявился во мнѣ голосъ генія; такъ не подвизайся. — Можетъ быть, онъ даетъ знать, отвѣчалъ Хармидъ, что я не одержу побѣды? Что же? пусть не одержу, — по крайней мѣрѣ въ это время доставлю себѣ пользу тѣлеснымъ упражненіемъ. — Сказавъ такъ, пустился онъ въ подвигъ. Стоитъ спросить его самого, что случилось съ нимъ во время этого подвига. Если хоти- <sup>129.</sup> те, спросите и брата Тимархова, Клитомаха, что говорилъ ему Тимархъ, когда умиралъ, именно отого, что не послушался генія, — спросите, что говорилъ и онъ, и стадійный скороходъ Эватлъ, принявшій къ себѣ бѣжавшаго Тимарха. Онъ скажетъ вамъ, что Тимархъ говорилъ ему слѣдующее.

*Обагъ.* Что такое?

*Сокр.* Клитомахъ! говорилъ онъ, я умираю теперь оттого, что не хотѣлъ послушаться Сократа. А что именно разумѣлъ подъ этимъ Тимархъ, — я расскажу. Когда Тимархъ и Филимонъ, сынъ Филимонида, встали съ пира, чтобы убить **В.** Никіаса <sup>2</sup>, сына Ироскамандрова, — а они только двое и питали этотъ умыселъ; — тогда первый изъ нихъ, вставши, сказалъ мнѣ: Что ты толкуешь, Сократъ? Вы пейте, а я долженъ

видла зависѣли не отъ умственного и нравственного ихъ состоянія, а отъ случайнаго сѣзпленія обстоятельствъ, предсказанныхъ Сократомъ?

<sup>1</sup> Рассказъ о Хармидѣ ни изъ какого другаго источника неизвѣстенъ.

<sup>2</sup> Этого Никіаса, сына Ироскамандрова, о которомъ нигдѣ больше не упоминается, надобно отличать отъ знаменитаго афинскаго полководца, дѣйствовавшаго во время войны пелопонезской.

встать и куда-то идти; немного спустя возвращусь, если удастся.—А у меня на ту пору—голосъ, и я тотчасъ сказалъ: никакъ не вставай; вѣдь вотъ во мнѣ проявилось обычное знаменіе—геній. Онъ удержался; но спустя нѣсколько времени, снова порывался идти и сказалъ: иду, Сократъ. А во  
 С. мнѣ опять голосъ,—и я опять заставилъ его удержаться. Въ третій разъ, чтобъ утаиться отъ меня, онъ всталъ, не сказавъ мнѣ ни слова и, улучивъ минуту, когда мое вниманіе занято было чѣмъ-то другимъ, ушелъ потихоньку. Отправившись такимъ образомъ, онъ совершилъ то, отъ чего потомъ умеръ. Потому-то сказалъ онъ брату, какъ теперь сказалъ я вамъ, что причиною его смерти было невѣріе мнѣ. Конечно, отъ  
 D. многихъ слышали вы и о томъ, что произошло въ Сициліи <sup>1</sup>, какъ я говорилъ о гибели войска. О совершившемся вы можете слышать отъ тѣхъ, которые знаютъ дѣло: но этотъ случай можетъ служить пробой знаменія, правду ли оно говорить. Когда Санніонъ красивый отправлялся на войну,—мнѣ было знаменіе,—и между тѣмъ какъ теперь, чтобы сражаться съ Тразилломъ, идетъ онъ прямо къ Ефесу и Іоніи, мнѣ думается, что или его ожидаетъ смерть, или ему наскочить на что-нибудь подобное: вообще, я очень боюсь за нынѣшнее предпріятіе <sup>2</sup>. Все это я говорилъ тебѣ—съ намѣреніемъ показать, что сила моего генія имѣетъ важное вліяніе на собесѣдованіе обращающихся со мною лицъ; потому что многимъ она противится, внушая, что отъ обращенія со мною

<sup>1</sup> Разумѣется несчастная экспедиція Аѳинянъ въ Сицилію, о которой см. *Thucyd.* VI, 8 sqq.

<sup>2</sup> Писатель не представляетъ никакой причины, почему Сократъ такъ боялся за этого неизвѣстнаго исторіи Санніона. Незвѣстнымъ остается и то, почему *Σαννίων* названъ *ὁ καλός*. Корнарій, Фицинъ, Беккеръ, Шлейермахеръ и Квобелій принимаютъ *ὁ καλός*, какъ имя собственное, или какъ ограничительную черту собственнаго имени *Σαννίων*, хотя кодексами Платоновыхъ сочиненій это и не подтверждается. Надобно замѣтить, что здѣсь говорится объ экспедиціи, совершившейся въ 4,92 олимп. и предпріятой противъ Іоніи. См. *Xenoph.* *Hellen.* 1, 2, 1 sqq. *Diodor.* XIII, 64. Тразиллъ былъ одинъ изъ тѣхъ вождей, которые, потерпѣвъ пораженіе при аргинузскихъ островахъ, не привезли съ собою убитыхъ и за то приговорены были къ смертной казни.

не получить имъ пользы, такъ что и обращаться съ ними не позволяетъ. А многимъ быть моими собесѣдниками она и не препятствуетъ; но бесѣдованіе это нисколько имъ не полезно. Напротивъ, кому сила генія въ собесѣдованіи помогла бы, тѣ выходятъ такими, какими и ты знаешь ихъ,—необыкновенно скоро дѣлаютъ успѣхи. Впрочемъ, изъ этихъ опять — успѣвающихъ, одни получаютъ пользу прочную 130. и постоянную; многіе же во все время, пока обращаются со мною, удивительно успѣваютъ, а какъ скоро удаляются отъ меня, ничѣмъ не отличаются отъ всякаго. Такимъ нѣкогда оказался Аристидъ, сынъ Лизимаха, сына Аристидова. Обращаясь со мною, онъ въ короткое время успѣлъ очень много; потомъ выпала ему какая-то война, — и онъ поплылъ; пришедши же назадъ, нашелъ въ обращеніи со мною Фукидида<sup>1</sup>, сына Мелисіева, внука Фукидидова. Фукидидъ на первыхъ порахъ нѣсколькими словами выразилъ мнѣ свое нерасположеніе. Поэтому, увидѣвшись со мною и поздоровавшись, Аристидъ сталъ разговаривать и между прочимъ сказалъ: я слышу, Сократъ, что Фукидидъ нѣсколько величается предъ тобою и надмевается, будто что значить. —Такъ и есть, отвѣчалъ я.—Что же? развѣ не знаетъ онъ, продолжалъ Аристидъ, что прежде, чѣмъ вступилъ въ собесѣдованіе съ тобою, былъ чуть не рабомъ?—Теперь-то не кажется такимъ, клянусь богами, отвѣчалъ я.—Впрочемъ, и самъ-то я, Сократъ, кажусь для себя смѣшнымъ, сказалъ онъ. С. —Почему особенно? спросилъ я.—Потому, отвѣчалъ онъ, что отплытія могъ разговаривать со всякимъ человѣкомъ и никого не хуже являлся съ своимъ словомъ, такъ что искалъ случаевъ бесѣдовать съ людьми самыми пріятными: напротивъ, теперь, только что почую какого-нибудь ученаго,—тотчасъ бѣгу;—такъ стыжусь я своего простоумія.—Но вдругъ ли оставила тебя эта сила, или оставляла понемногу? спросилъ

<sup>1</sup> Объ Аристидѣ и Фукидидѣ см. Lachet. 179 A sqq. Сравни. Theaetet. p. 150 E.

Д. я. — Понемногу, отвѣчалъ онъ. — Отъ чего же это приключилось тебѣ? спросилъ я: отъ того ли, что, учась у меня, получилъ ты такое расположеніе, или какимъ инымъ образомъ? — Я скажу тебѣ, Сократъ, отвѣчалъ онъ. Невѣроятно, клянусь богами, однакожь истинно. У тебя, какъ самъ ты знаешь, я ничему не научился, однакожь бесѣдуя съ тобою, успѣвалъ, даже когда жилъ только въ одномъ съ тобою домѣ, а не въ одной комнатѣ; живя же въ одной съ тобою комнатѣ, успѣвалъ еще болѣе. И мнѣ казалось, что успѣхи мои шли гораздо быстрѣе, когда, находясь въ одной съ тобою комнатѣ, во время твоей бесѣды, я

Е. смотрѣлъ больше на тебя, чѣмъ куда-нибудь въ другую сторону; а еще замѣтнѣе и значительнѣе успѣвалъ, когда сидѣлъ возлѣ тебя и прикасался къ тебѣ. Теперь же, сказалъ онъ, тогдашнее состояніе мое совершенно исчезло. — Такъ вотъ каково наше собесѣдованіе, Феагъ! Если угодно будетъ Богу, то ты очень много и скоро успѣешь; а когда нѣтъ, — не успѣешь. Поэтому, смотри, не безопаснѣ ли для тебя учиться у кого-нибудь изъ тѣхъ, которые сами ручаются за пользу, доставляемую ими людямъ, чѣмъ у меня, который предоставляеть пользоваться тѣмъ, что случится.

131. *Феагъ.* Мнѣ кажется, Сократъ, что мы должны поступить такъ: бесѣдуя другъ съ другомъ, испытать этого генія. Если онъ позволитъ намъ, — будетъ очень хорошо; а когда нѣтъ, — останется еще время посовѣтоваться, что дѣлать: — искать ли другаго руководителя, или попытаться живущее въ тебѣ божество умилостивить молитвами, жертвами и всѣмъ, чего требуютъ прорицатели.

*Дим.* Не противорѣчь больше юношѣ, Сократъ; вѣдь Феагъ говорить хорошо.

*Сокр.* Если кажется, что такъ надобно сдѣлать, — сдѣлаемъ.

